

Молодой Грифон

Анастасия была тем, что добродетельный человек назвал бы опасным. Я понял это с того момента, как почувствовал обжигающий жар её влияния, и ещё раз, когда увидел жестокое веселье в её глазах, пока Сол избивал беззащитного мужчину в клубе. Она была из тех, кто заставляет мужчин бесконечно тосковать даже по поцелую её каблука.

К счастью, она была не в моем вкусе, и когда из уравнения убрали похоть, она стала просто интересной.

— Сол - жестокий мастер, — сказал я, объясняя сломанную раму кровати. — Едва дал мне время проснуться, прежде чем проверить мой панкратион. Даже не дал мне сначала размяться. — Это действительно было позором. Особенно для Скифаса. Это была удобная кровать, пуховые и шёлковые простыни и всё такое.

— А остальная мебель? — спросила Анастасия, выгнув тёмную бровь. Скифаса передёрнуло, отчасти из-за того что она игнорировала его, пройдя мимо него в комнату, а отчасти потому, что мы действительно устроили здесь беспорядок.

Сол ничего не сказал, встретив тлеющий взгляд Героини и не отводя его, пока она приближалась к нему. Зная его, этот дурак думал, что устанавливает авторитет.

— Возможно, мы выпили слишком много, — признал я.

— Самое грубое преуменьшение, которое я когда-либо слышала, — сказала она, закатив глаза. Сол выдохнул, удовлетворённый тем, что выиграл "гляделки". — Я видела, как меньшие люди умирали от такого количества алкоголя. — Героиня устроилась на покатом подголовнике обеденной кушетки Сола, поглаживая его орла от макушки до кончика хвостового пера, пока он кормил его объедками своего завтрака.

Очевидно, я был единственным мужчиной в комнате с голосом. Это меня вполне устраивало.

— Мы - культиваторы. Это наше предназначение - превосходить низших людей.

— Даже в твоих пороках? — спросила она, весело.

— Особенно в наших пороках.

— Мой учитель назвал бы это высокомерием, — пробормотала она. — Даже дети знают, что порок - это обратная сторона добродетели.

— И всё же небеса поражают добродетельные души, такие как кириос, в то время как люди вроде меня разгуливают на свободе, — сказал я, опираясь щекой на руку. Намерением панкратиона я вернул диаграммы, которые Скифас забрал у меня, забытые на его кушетке, когда Анастасия выломала дверь.

— Небеса могут быть медленными, — возразила она, — Но их гнев всегда ощущается в конце концов. — Черты её лица были темными и почти угрожающими. Тлеющие зелёные глаза, ухмыляющиеся красные губы и длинные полуночные чёрные волосы. Контраст с её мраморной бледной кожей был, несомненно, привлекательным. Прекрасная эстетика.

Я резко усмехнулся, встретив её взгляд поверх массива звёздных карт.

— Я надеюсь на это. Невзгоды – это лучшая часть.

На мгновение она была искренне поражена: «Как ты учил его, Солус?»

— Очевидно, что не достаточно, — категорично ответил Сол. Я усмехнулся, перелистывая листы папируса. Скифас наконец принял решение, вставив тяжёлую дверь спальни в раму с очередным болезненным хрустом ломающихся замков.

— Скажи мне, Анастасия. — Героиня приглашающе хмыкнула. — Мы обменялись историями из жизни, пока я был пьян?

— Нет.

— Хорошо. Было бы невежливо просить дважды.

Она хихикнула: «Боже, Боже. Продвигаешься быстро, не так ли? Некоторым женщинам нравится прямой подход, но я предпочитаю сначала немного ухаживаний».

— Ты слишком высокого мнения о себе, — приятно сообщил я ей. — Я не могу быть менее заинтересован в тебе как в женщине.

Впервые с тех пор, как я её встретил, Героиня действительно посмотрела на меня. Вихри её влияния столкнулись с моими, едкие и ищущие.

— Ты называешь меня уродливой, культиватор? — мягко спросила она. Она, конечно, не была даже близка к этому, но не стоило доставлять ей такое удовольствие. Я был уверен, что она получила достаточно этого от своих товарищей посвящённых.

— Я вижу более привлекательное лицо, чем твоё, каждый раз, когда прохожу мимо чистого водоёма, — ответил я вместо этого. Скифас закашлял, подавившись белым вином. Сол только закатил глаза.

Зеленоватое пламя и едкое воздействие давили на меня, обжигая края моего сознания. Затем, всё разом, оно исчезло.

— Ты мне нравишься, — решила Анастасия. — Но твой наставник нравится мне больше.

— Понимаю, — сказал я. — С такой улыбкой, кому бы он не понравился? — Сол поблагодарил меня жестом, который на языке легионов наверняка означал "Спасибо, брат".

— Вы двое – странная комбинация, — размышляла Анастасия. — Волк в компании со львом. Что могло свести вместе Римлянина и алого сына?

Скифас напрягся в моём периферийном зрении: «Римлянин?»

Очень интересно.

— Это забавная история, — сказал я ей. — И трагическая, как и все лучшие.

— Я слушаю, — просто сказала она. Я обменялся взглядом с Солом. Я понял его намерение без слов. Сейчас было не время и не место обсуждать наше бегство из Алого Города, и уж точно

Сол не хотел делиться своими личными трагическими обстоятельствами с двумя потенциальными врагами, значительно превосходящими его по уровню культивации.

Я едва заметно кивнул, давая ему понять, что понял, и он расслабился.

— Мы можем обменяться, — предложил я, игнорируя удушающее убийственное давление влияния Сола. — Мой кузен всегда говорил, что нет ничего лучше, чем обмен историями у костра.

Розовый свет зари переполз с колыбели моей ладони на кончики пальцев, и я бросил искру горячей пневмы в мангал, установленный на вершине мраморной колонны. Она подхватила белоснежный уголь и разгорелась весёлым алым пламенем.

— Вопрос на вопрос? — спросила она, не соглашаясь и не отвергая. Скифас, частично присоединившись к группе, опираясь предплечьями на спинку кресла, не выглядел более желающим поделиться.

— Именно. — Было ясно, что их нужно убедить, поэтому я продолжил, — Давайте сделаем это интересным - королевская игра. Победитель задаёт вопросы, а проигравшие отвечают.

— Как удобно. Тот, кто никогда не проигрывает, никогда не отвечает, — язвительно сказала Анастасия, заправляя за ухо прядь волос. Глаза Скифаса бессознательно проследили за этим движением. — И я полагаю, что у тебя на уме как раз такая игра.

Я приглашающе развёл руки: «Выбирай».

Героиня на мгновение задумалась: «Есть одна игра, в которую я не отказалась бы сыграть, — наконец сказала она. — Но у нас нет костяшек».

Сол без слов уронил горсть костяшек на обеденный стол. Они рассыпались по тёмному дереву, их было больше дюжины, и каждая громко звенела.

— ... где ты их взял? — спросил я.

— Не беспокойся об этом.

Хм.

— Нам понадобится ещё и драхма, — сказала Анастасия. Скифас потянулся к мешочку на соседней полке, вырезанной в стене. Сол опередил его.

Одна драхма упала на стол, звякнув при ударе.

Сол откинулся на спинку скамьи в спокойном ожидании. Конечно, предложение сыграть в игру убедило его легче всего: «Игра - Бабки, потом - Под Триумфальной Аркой и Акведуки. Орёл заканчивает раунд. Двенадцать решают».

С этими словами он поднял драхму, подбросил её в воздух, и все четверо пришли в движение.

Бабки были ещё более простой игрой, чем Вознесение, победа и поражение в которой зависели только от физической ловкости. Один валет, в данном случае драхма, подбрасывался вверх, и костяшки собирались в руках, пока он падал, различными способами в зависимости от фигуры играющего. Я видел этот вариант несколько раз в Розовой Заре, когда Сол обучал ему детей, находившихся под его опекой. У каждой фигуры были свои правила и условия победы, но

первый раунд, определяющий порядок, всегда был одним и тем же. Разбить и схватить.

Я успел схватить три костяшки, прежде чем Анастасия перевернула стол ногой, а Скифас перелетел через обеденную кушетку, пламя сердца бушевало, пока он расплывался в воздухе. Золотая монета музыкально звякнула о каменный пол в тот же миг, когда стол ударился о дальнюю стену. Драхма подпрыгнула и закружилась.

Гравитас ударил по монете и прижал её к мраморному полу. Орёл.

— Что это было? — прорычал Сол.

— Разве в Риме не так играют? — Анастасия раскрыла левую руку, самодовольно демонстрируя четыре костяшки. Каким-то образом она собрала их, не вставая со своего места. Скифас с досадой посмотрел на две кости в своей руке. — Иначе это вряд ли можно назвать вызовом.

Такая игра, как Бабки, полностью основанная на времени реакции, не требовала особых усилий от культиватора, достигшего определённого уровня культивирования. Вряд ли это вообще была игра, если каждый игрок мог схватить все кости со стола до того, как валет начинал падать. В этом случае требовался дополнительный элемент сложности.

— Прошу прощения за твою комнату, — сказал я Скифасу. Он махнул рукой, уже смирившись с ущербом. Удивительно легкомысленный, по сравнению с его обычным темпераментом.

— Шулеры и воры, все вы, — с отвращением сказал Сол и уронил на пол шесть костяшек. Анастасия подняла бровь, впечатлённая. Скифас непонимающе уставился на него.

— Как часто ты играл в эту игру? — весело спросил я. Он усмехнулся.

— У меня первый вопрос. Куда идут хорошие философы?

— О? Так вот оно как, — размышляла Анастасия. Она задумчиво погладила орла-посланника по голове. Скифас, в свою очередь, сосредоточенно скрестил руки, присев у своей обеденной кушетки.

Неожиданно Скифас щёлкнул пальцами: «Философ – это не кто иной, как человек, который может видеть поверхность всего того, чего он не знает».

— Кто тебе это сказал? — с любопытством спросил я. Герой странно посмотрел на меня.

— Солус, прошлой ночью. Неужели ты забыл даже это?

Сол выглядел примерно так же растерянно, как я себя чувствовал.

— Если философ – это просто первый слепой, который узнал, что у него нет зрения, то куда он идёт, чтобы увидеть? — спросила Анастасия, озвучивая проблему. На мгновение вражда между Героем и Героиней была забыта, пока они размышляли над этим вопросом.

— Думаю, он просто хочет знать, где здесь проводят время Софические культиваторы, — сказал я. И был вознаграждён презрением, когда два высших культиватора посмотрели на меня с пренебрежением. Ах. Так вот как это ощущалось.

— Как жалко, — сказала Анастасия.

— Ты всё принимаешь за чистую монету? — добавил Скифас.

— Простите меня, — возразил я. К этому моменту Сол закрыл глаза, на его торжественном лице застыла маска глубокого раздумья и тяжёлого ожидания. На самом деле, я мог сказать, что он старается не сорваться.

— Если это вопрос принадлежности...

— Под Триумфальной Аркой, — объявил он, прервав их и снова взяв в руки монету. Он прижал кончики указательного и среднего пальцев к голубому мрамору, образуя арку. Мы все последовали его примеру, Анастасия неустойчиво наклонилась со своего места на обеденной кушетке.

Монету подбросили, и костяшки полетели.

Цель игры Под Триумфальной Аркой заключалась в том, чтобы просунуть как можно больше костяшек через дугу собственных пальцев до того, как упадёт валик. В зависимости от расположения костей и действий в предыдущей игре, а также от действий других игроков и траекторий движения, сложность игры могла меняться. Конечно, для культиваторов уровня Анастасии и Скифаса — это вряд ли стоило их времени. Если конечно, они не жульничали.

Я щёлкнул костяшку одной рукой и послал её в полет по дуге, которую образовала моя вторая рука. Однако, прежде чем она успела пролететь, сбоку в неё ударил свистящий снаряд и отбросил её от курса. Другой снаряд ударил в костяшку пальца рядом с моей аркой, прежде чем я успел попытаться перебросить его через неё. В одно мгновение комната превратилась в вихревой шторм летающих костей.

Анастасия невинно улыбнулась мне, едкий зелёный огонь весело горел в её глазах.

— Я насчитала двадцать три через мою, — сообщила она в конце. Всего было только двенадцать костяшек, что означало, что она лгунья или что она совершила несколько повторов за то время, которое требуется монете, чтобы упасть.

— Восемь, — кисло сообщил Скифас. Я не потрудился озвучить мой нулевой счёт.

Мы посмотрели на Сола и увидели, как он молча перебирает кости сквозь дугу его пальцев, пока золотая драхма зависла прямо над землёй, лениво вращаясь в воздухе. Анастасия и Скифас кинулись за ближайшей костяшкой, ударив пальцами в пол с такой силой, что мрамор треснул.

Сол освободил хват своей добродетели на монете, и она звонко упала орлом вверх.

— Сорок.

— Но это же... — запротестовал Скифас. Сол уставился на него, вызывая его закончить предложение. Он не стал.

— Куда идут хорошие философы Бушующего Неба? — спросил он, не оставляя ничего воображению.

Это не помогло.

— Так вот какова твоя игра, — сказал Скифас, массируя челюсть. — Младшие и старшие.

Бродячие философы свободного Средиземноморья против учёных Города Полу-Шага.
Физическое место, в конце концов.

— Всё не так просто, — возразила Анастасия. — Вопрос в самом разделении. Мы можем делить хлеб в свете божественной бури, но так ли это на самом деле, что мы — старшие, а странники вроде Солуса — младшие? Что делает младшего младшим, а старшего старшим среди философов? Возраст? Положение? Или, может быть, добродетель?

— Ничего из вышеперечисленного, — не согласился я, слишком радостный тому, что бы ещё больше увести их от сути вопроса, пока Сол молча отчаивался. — Среди философов только риторика является королём.

— Значит, вопрос в том, у кого из нас лучшая риторика. — Анастасия, всё ещё перегнувшись через подголовник кушетки, повернулась и оперлась одной рукой о подушку рядом с Солом, положив на неё голову, пока размышляла. — Опасный вопрос, особенно сейчас. Культ Бушующего Неба скоро может оказаться в состоянии войны с самим собой. Никогда не знаешь, кто и когда может подслушивать.

— Никого нет, — сказал Сол, его голос был тусклым. Ах. Он сдался.

Анастасия подняла на него поражённый взгляд: «Что?»

— Никто нас сейчас не слушает, — повторил Сол. — Я бы почувал это. — Как и раньше, на похоронах Героический культиватор недоверчиво уставился на то, что Сол представил как простое наблюдение. Скифас, в свою очередь, лишь удивлённо покачал головой.

— Боже, Боже, — мягко сказала Героиня.

— Вы можете спокойно высказывать свои мысли, — сказал я им. Ответом было глубокое созерцание. Освободившись от паранойи, что другая сторона подслушивает, они полностью посвятили своё внимание перспективе.

— Лучшая риторика в секте, — пробормотала Анастасия.

— Куда идут слепые, чтобы увидеть, — продолжил Скифас.

Они оба пришли к одному и тому же выводу.

— Бани.

Сол проглотил полный рот крови.

— Акведуки, — только и сказал он, прижимая кончики четырёх самых длинных пальцев к полу, создавая три арки там, где раньше была только одна. Цель этой игры заключалась в том, чтобы выполнить как можно больше повторов, один из которых заключался в последовательном проведении костяшек через каждую из трёх арок акведука. Монету подбросили в воздух, и пневма заполнила комнату.

На этот раз все трое из нас следили за монетой, чтобы убедиться, что она полностью упала на пол, а Скифас показал фокус, который как я был уверен, был манипуляцией самим ветром. Сол, будучи основательно деморализованным, вообще не принимал участия. На этот раз монета упала решкой вверх, что привело к ещё одному подбрасыванию и затяжному раунду. К его концу Скифас сделал тридцать семь повторов, Анастасия — девятнадцать, а я — восемь.

Торжествуя, Скифас указал пальцем на Сола: «Я должен знать, Солус! Где ты стоишь среди неба и земли?»

Я вдохнул тяжёлую, ожидающую тишину. Пневма наполнила мои вены, спиральными нитями проникая в кровь и нагревая её почти до точки кипения. Мои мышцы дрожали и незаметно напрягались в предвкушении. Это случилось раньше, чем я надеялся, но позже, чем ожидал. Полагаю, этот фарс всегда был обречён на провал.

Пока я готовился к битве всей нашей жизни, Сол спокойно ответил.

— Легат.

Ах. Так вот как они его называли.

— Командир легиона? — Анастасия посмотрела на него узкими глазами. — Сколько тебе лет на самом деле, Солус?

— Это звучит как ещё один вопрос. — Сол протянул золотую драхму Скифасу, который через мгновение взял её.

— У меня есть ещё один вопрос, так что я снова выиграю, — объявил он. — Фигура - Акведуки, ещё раз.

— Это ошибка, — сказал я лениво. — Я никогда не проигрываю одну и ту же игру дважды. — Герой насмешливо хмыкнул и подбросил монету.

Мои руки панкратиона заполнили комнату.

Пальцы моего чистейшего намерения врезались в мраморный пол, пять рук создали девятнадцать арок, каждая из которых выстроилась от начала до конца в грандиозный акведук, который я тут же заполнил. Оставшиеся пятнадцать рук панкратиона расплывались по полу, щелкая и перехватывая костяшки пальцев при любой возможности. Свистящие разряды пролетали сквозь арки моего акведука и так же быстро выстреливались обратно руками панкратиона, поджидавшими на другой стороне.

Рукой из плоти и крови я поймал золотую драхму и ударил ею по тыльной стороне другой настоящей руки. Орёл.

— Хотите знать, сколько это было? — спросил я. Скифас вместо ответа сплюнул на свой пол. — Анастасия?

— Нет нужды, — сказала она с удовлетворением в глазах, когда они проследили невидимые линии моего жестокого намерения. — Я только что получила ответ на один из моих вопросов.

— Хо, не так ли? Тогда будет справедливо, если ты ответишь на мой - ты ведь здесь, чтобы соревноваться, не так ли?

— Да.

— В каких соревнованиях?

— Это два вопроса, — указала она. — И ты уже знаешь ответ на оба. У тебя есть глаза, не так ли? — Тогда метание копья.

— А ты, Скифас?

— Это три, — сказала Анастасия, на этот раз с настоящим раздражением.

Я пожал плечами и подбросил монету: «Двенадцать».

Сол щёлкнул пальцем, и импульс его добродетели послал в воздух все двенадцать костяшек сразу. Дальше этого он не пошёл, продолжая воздерживаться из вредности. Это была самая простая игра – цель заключалась в том, чтобы поймать как можно больше летящих костяшек тыльной стороной ладони. Двенадцать рук с намерением панкратиона ловили кости, а остальные отбивали тянущиеся руки Скифаса и Анастасии.

— А ты, Скифас? — спросил я, приятно улыбаясь.

Герой нахмурился: «Спринты».

— Двенадцать, — повторил я, вскидывая руки. Героические дүхи вспыхнули, ветер и пламя бушевали по всей комнате, сжигая мебель до пепла и разрывая в клочья шёлковые простыни. Всё было напрасно.

— Значит, метание копья, — размышлял я, возвращая своё внимание к Героине, пока мои руки панкратиона перекачивали костяшки на тыльной стороне ладоней. — Но ты так же сражаешься и им, так что же было первым? Был ли боевой путь следствием желания спортсмена, или игры были побегом от твоего проблемного прошлого?

Теперь в её глазах было меньше юмора: «Ни то, ни другое».

Я поднял бровь: «Двенадцать». — Я чувствовал фантомную агонию в пальцах, которых у меня на самом деле не было, когда Героические культиваторы обратили свою пневму на мои панкратионовые руки в своём раздражении. Это были мелкие удары, за которыми не было настоящего жара, но это было по меркам Героев.

Тем не менее, они проиграли.

— Как ты узнала, что Сол из Рима? — Я надавил на неё.

— Он пел маршевую песню Легиона, когда я его нашла.

Сол переключился на разговор и пристально посмотрел на неё: «Когда ты подошла ко мне, ты сказала, что я всё-таки волк. Ты знала, кто я, с того момента, как я позвал тебя». — Анастасия была гораздо лучшим актёром, чем Скифас, это уж точно. Но она не была лучше меня. Я видел её раздражение ясно как день.

— Если дело не в каденции, а в самом зове, — размышлял я, — то, что же во влиянии моего доброго мастера вызвало мысли о Риме? Может быть, прошлый опыт? Что-то связанное с твоим дротиком?

Анастасия уставилась на меня и долго молчала. Наконец она кивнула, соглашаясь.

— В конце концов, я была права, что беспокоилась, — сказала она. — Откуда ты узнал, какую игру я выберу?

— Я не знал. — Удовлетворённый, я подбросил монету в воздух и приглашающе помахал рукой. Я налил себе и Солу ещё по чашке вина, пока два героических культиватора сражались за

костяшки в воздухе. Оно было слаще, чем то, что в Розовой Заре, лёгкое и слегка терпкое на языке.

— А ты? — спросила Анастасия, балансируя семью костяшками на тыльной стороне ладони. Темные волосы собрались вокруг её головы, когда она осматривала на меня с ног до головы. — Какой золотой лист ты жаждешь, Грифон Розовой Зари?

Я взглянул на неё поверх ободка моей чашки: «Разве это не очевидно? Я хочу их все».

— Каждое состязание? — в недоумении спросил Скифас. — Ты что, с ума сошёл?! Где ты стоишь?

— Это два вопроса, — предупредил я его, сверкнув своей самой очаровательной улыбкой.

— Я решила, что ты мне нравишься меньше, — сказала Анастасия. Я положил руку на сердце, раненный. Она рассмеялась. — Гораздо меньше.

Героиня повернулась и поднялась на ноги, расчёсывая своё культовое одеяние и давая орлу-посыльному последнее ласковое почёсывание. Она была достаточно близко к Солу, чтобы их носы соприкоснулись, если бы он хоть немного наклонил голову.

— Думаю, игр для меня достаточно. Стоит ли мне проводить тебя туда, куда идут хорошие философы, Солус?

— После тебя, — сказал он, не обеспокоенный её близостью. Она ещё мгновение смотрела ему в глаза, медленно улыбаясь, затем повернулась и направилась к двери.

— У меня есть ещё один вопрос, — позвал я, пока Сол выбивал дверь из сломанной рамы. Анастасия оглянулась на меня, приподняв бровь. — Какова первая добродетель?

Едкие зелёные глаза сверкнули.

— Чистота, — сказала она, а затем обратилась ко мне, — Где ты стоишь среди неба и земли?

— У тебя есть глаза, не так ли? — спросил я насмешливо. — Я не более чем Философ первого ранга.

— Лжец, — усмехнулась она. Анастасия вышла за дверь, и Сол последовал за ней.

Скифас, я и орёл тушились в тишине, которую они оставили после себя. В конце концов, Скифас принялся собирать из комнаты всё, что мог, засовывая предметы и одежду в складки своего культового одеяния. Я пил и перетасовывал его звёздные карты, собираясь с мыслями.

— Итак. Анастасия?

Скифас с отвращением бросил свои вещи и вышел из своей комнаты.

— Теперь только ты и я, — сообщил я великому орлу-посланнику Рима. Он поднял на меня голову. Я протянул ему мостик из панкратионовых ладоней, и через мгновение он вспорхнул на первую и перепрыгнул через неё на мою вытянутую руку. Его когти легко обвили вокруг моего предплечья, и поцелуй их краёв был острым даже на моей закалённой коже.

— Ты ведь не простая птица, не так ли? — спросил я. Он выжидающе посмотрел на меня. Я предложил ему кусочек своей еды, кожу рыбы-меч. Орёл проглотил её. — Это было ясно с тех

пор, как ты нашёл нас на Эосе. А теперь – тем более. Ни одна обычная птица не сможет обнаружить моё намерение панкратиона.

Добродетельный зверь взъерошил перья, то ли не понимая, то ли не желая заботиться. Возможно, он говорил только на Латыни.

— Ты – спутник Сола, это ясно как день, но этот никчёмный Римлянин даже не дал тебе подходящего имени. Ты, безусловно, достоин этого.

Моя пневма поднялась, омывая птицу и побуждая его подчиниться. Его когти больно впились в мои руки, прочертив тонкие линии крови, и он широко раскинул крылья в знак неповиновения. Добродетельный зверь пронзительно закричал мне в лицо, не желая прогибаться под моей силой.

Я рассмеялся: «Сореей ты будешь». — Потерянный орёл Рима. Я предложил ему рулон папируса, который я оторвал от одной из звёздных карт Скифаса и написал на нем быстрое послание бесформенной рукой, наблюдая за птицей.

Вместо того чтобы протянуть мне лапу, чтобы привязать послание, добродетельный зверь просто бросился вперёд и засунул рулон в клюв, проглотив его без колебаний.

— Отвратительно, — ласково сказал я, вскидывая руку и отгоняя существо. — Исчезни с глаз моих, беспородная птица.

С последним прощальным криком Сорей взлетел на балконную террасу, взмахнув крыльями и с головокружительной скоростью устремился в гору.

Я встал с моей кушетки, потягиваясь. Я вздохнул, наслаждаясь мириадами хлопков и тресков, которые издавало моё тело. Руки панкратиона массировали и разминали напряжённые мышцы моих плеч и шеи, вытягивая напряжение из моей плоти.

А теперь. Где был этот Оракул?

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3258761>